

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра международных отношений и внешней политики России

**Будапештский меморандум и проблема нераспространения
ядерных вооружений**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 441 группы
направления 41.03.05 «Международные отношения»
Института истории и международных отношений
Зеновой Дарьи Сергеевны

Научный руководитель
профессор, доктор исторических наук

дата, подпись

С.Ю. Шенин

Заведующий кафедрой
профессор, доктор исторических наук

дата, подпись

Ю. Г. Голуб

Саратов 2026

ВВЕДЕНИЕ Актуальность темы обусловлена целым комплексом острых политических вызовов и глубоких, основополагающих проблем международного права, что делает Будапештский меморандум одним из самых спорных документов XX в.

С политической точки зрения данная проблема не утрачивает свою актуальность в связи с изменения архитектуры безопасности в Европе, а также в условиях структурного кризиса режима нераспространения ядерного оружия. Первоначально подписание Будапештского меморандума с Российской Федерацией, Великобританией и Соединёнными Штатами, которые согласились дать гарантии безопасности, где Украина в свою очередь откажется от ядерного оружия, воспринималось как триумф и огромное достижение дипломатии, что было успешным примером денуклеаризации.

Тем не менее, после событий 2014 года, которые были расценены как вооружённый государственный переворот, произошедший при поддержке западных стран, стали переломной точкой в ходе реализации Будапештского меморандума. Страны-гаранты собственноручно нарушили данные обещания, а именно принципы невмешательства во внутренние дела и уважения суверенитета, закреплённые в Уставе ООН и Хельсинкском Заключительном акте, в том числе дух и букву самого меморандума. В ходе прекращения преемственности законной власти, положения меморандума утратили свою силу, как и утверждает с российской точки зрения. Также стоит упомянуть такой принцип, как *clausula rebus sic stantibus*, то есть коренное изменение обстоятельств (закреплен в Венской конвенции).

Степень научной разработанности. Исследования можно разделить по нескольким группам.

Российские исследования дают наиболее точную, системную, доктринально точную информацию, которая раскрывается через призму и

анализ международного права. Работы Е.А. Кондратюка¹ и Ю.В. Никуличева² детально и хронологически раскрывают тему переговоров в 1991-1994 годы, в них затрагивается такой аспект, как программа Нанна-Лугара. Они были использованы для написания 1 главы данной работы. Были также анализированы и использованы труды С.Ю. Шенина³, в которых рассматривается данная программа и противоречия внутри страны во время переговорного процесса. Ромашев Ю.С.⁴ исследовал принцип *clausula rebus sic stantibus*, что стало основой для обоснования в рамках международного права.

Зарубежные исследования оценивают данный процесс как успешный со стороны переговоров, но отмечают декларативный характер и якобы нарушение его со стороны России. Банн, М.⁵, и Смолл Х.⁶ выделяют, что документ предоставлял не юридически обязывающие гарантии, а лишь «заверения». Работа Н. Таннервальда⁷ также анализирует режим

¹ Кондратюк Е. А. Проблема ядерного разоружения Украины и американская дипломатия (1991-1994) / Е. А. Кондратюк // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12 (92). С. 368–376. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-yadernogo-razoruzheniya-ukrainy-i-amerikanskaya-diplomatiya-1991-1994> (дата обращения: 01.04.2026).

² Никуличев Ю. В. «Прощай, оружие»: может ли Украина создать свой ядерный арсенал? / Ю. В. Никуличев // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3. С. 144–164. DOI: 10.31249/ape/2020.03.07. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proschay-oruzhie-mozhet-li-ukraina-sozdat-svoy-yadernyy-arsenal> (дата обращения: 01.04.2026).

³ Шенин, С.Ю., Шенин А.С. «Программа Нанна – Лугара» и ядерное разоружение Украины // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 103–114

⁴ Ромашев Ю. С. Клаузула *rebus sic stantibus* в праве международных обычаев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 194–215. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.194.215. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klauzula-rebus-sic-stantibus-v-prave-mezhdunarodnyh-obychaev> (дата обращения: 11.04.2026).

⁵ Bunn M. Budapest Memorandum at 25: Between Past and Future / Bunn M. // Harvard Kennedy School. URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/budapest-memorandum-25-between-past-and-future> (дата обращения: 23.06.2026).

⁶ Small H. Failed Black Sea Treaties – then and now / Small H. // History&Policy. URL: <https://historyandpolicy.org/opinion-articles/articles/failed-black-sea-treaties-then-and-now/> (дата обращения: 23.06.2025).

⁷ Tannenwald N. The nuclear nonproliferation regime as a "failed promise": contestation and self-undermining dynamics in a liberal order / N. Tannenwald // Global Studies Quarterly. 2024.

нераспространения ядерного оружия и была использована как пример одного из мнений по успешности переговорного процесса.

Были использованы исследования на украинских сайтах или которые были сделаны непосредственно украинцами, такие как Буджерин М.⁸ Рассматривается также процессе переговоров, но акцентируют внимание на последствиях для Украины.

В отдельную группу можно выделить юридические словари, Merriam-Webster⁹, Bouvier J.¹⁰, Lawfare Media¹¹, FindLaw¹², которые были использованы для анализа определений таких понятий, как «assurance» и «guarantee».

Таким образом, несмотря на большое количество различных работ, они рассматривают данный процесс фрагментарно, фокусируясь на отдельной проблеме. Ни одна из работ не анализирует взаимосвязанный период с 1991 по 2014 год, когда произошли коренные изменения в системе гарантий.

Объектом исследования является совокупность международно-правовых отношений международного сообщества с Украиной в сфере отказа от ядерного оружия и эволюция гарантийных механизмов в постбиполярный период.

Предметом исследования является Будапештский меморандум.

Vol. 4. No. 2. Art. ksae025. DOI: 10.1093/isagsq/ksae025. URL: <https://academic.oup.com/isagsq/article/4/2/ksae025/7663831> (дата обращения: 01.04.2026).

⁸ Budjeryn M. When Ukraine traded nuclear weapons for security assurances / M. Budjeryn // Arms Control Today. 2022. Vol. 52. No. 3. P. 15–19. URL: <https://www.jstor.org/stable/27154817> (дата обращения: 01.04.2026).

⁹ Assurance // Merriam-Webster.com : dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/assurance> (дата обращения: 01.04.2026).

¹⁰ Bouvier J. A Law Dictionary, Adapted to the Constitution and Laws of the United States / J. Bouvier. Philadelphia : J.B. Lippincott & Co. 1856. [S.p.]. URL: <https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/Assurance> (дата обращения: 22.01.2026).

¹¹ Constructive ambiguity of the Budapest Memorandum at 28: making sense of the controversial agreement // Lawfare Media. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/constructive-ambiguity-of-the-budapest-memorandum-at-28-making-sense-of-the-controversial-agreement> (дата обращения: 01.04.2026).

¹² Guarantee // FindLaw Dictionary. URL: <https://dictionary.findlaw.com/definition/guarantee.html> (дата обращения: 22.01.2026).

Цель исследования – в контексте проблемы нераспространения ядерного оружия дать оценку основным параметрам Будапештского меморандума с точки зрения его влияния на систему международной безопасности.

Задачи исследования:

- рассмотрение историко-дипломатического контекста заключения Будапештского меморандума;
- анализирование политических, экономических и правовых последствий;
- систематизация позиция и трактовок Будапештского меморандума;
- анализ влияния событий 2014 года и последующей эрозии международно-правовых режимов на архитектуру европейской безопасности.

Источники. Для решения поставленных задач была привлечена источниковая база, которую можно разделить на несколько основных групп.

Первой и наиболее важной группой являются официальные международные и внутригосударственные документы. В них входят Соглашение между государствами-участниками СНГ по стратегическим силам (30 декабря 1991 г.)¹³, Лиссабонский протокол к Договору СНВ-1 (23 мая 1992 г.)¹⁴, а также сам текст Будапештского меморандума от 5 декабря 1994 г.¹⁵

¹³ Соглашение между государствами – участниками Содружества Независимых Государств по стратегическим силам (Минск, 30 декабря 1991 г.) // Сборник международных договоров СССР и РФ. М. 1992. Вып. 49. С. 135–137

¹⁴ Лиссабонский протокол к Договору между СССР и США о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), 23 мая 1992 г. // Сборник договоров и соглашений Российской Федерации. М. 1993. Вып. 47. С. 112–115

¹⁵ Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия. Будапешт. 5 декабря 1994 г. URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/fe3/%D0%B1.%D0%BC%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC.pdf> (дата обращения: 06.06.2025)

Вторая группа – это источники личного происхождения, которая включает в себя стенограммы заседаний Верховной Рады Украины¹⁶, воспоминания Ю. Дубинина¹⁷, публичные заявления и выступления политических деятелей (Л. Кравчука¹⁸, В. Зеленского¹⁹, официального представителя МИД РФ М.В. Захаровой²⁰, Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова²¹, Постоянных представителей РФ при ООН В.И. Чуркина²² и В.А. Небензи²³).

Третья группа – это публицистические материалы. Были использованы такие материалы как публикации зарубежных СМИ (The Christian Science

¹⁶ Стенограма засідання Верховної Ради України : скликання 7, сесія 1, засідання 3573 // Верховна Рада України : офіційний веб-портал, [Б. г.], URL: <https://www.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/3573.html> (дата обращения: 01.04.2026).

¹⁷ Dubinin Y. Ukraine's Nuclear Ambitions: Reminiscences of the Past // Russia in Global Affairs. 2004. No. 2. April–June. P. 2–3. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/printver/533.html> (дата обращения: 06.06.2025).

¹⁸ Кравчук рассказал, как США провели Киев с компенсацией за отказ от ЯО // ИА «Красная Весна». 2021. 5 августа. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/63ea6aa2> (дата обращения: 06.06.2025).

¹⁹ Совина М. Зеленский допустил пересмотр отказа Украины от ядерного оружия / Совина М. // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/20/budapest/> (дата обращения: 23.06.2025).

²⁰ Комментарий официального представителя МИД России М.В.Захаровой в связи с 30-летием Будапештского меморандума// Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1985517/ (дата обращения: 23.06.2025).

²¹ Лавров: в Будапештском меморандуме нет обязательства признавать переворот на Украине // ТАСС : политика. 2014. 5 дек. URL: <https://tass.ru/politika/1626366> (дата обращения: 01.04.2026).

²² Чуркин В. И. Выступление и ответное слово Постоянного представителя России при ООН на заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на Украине, Нью-Йорк, 28 августа 2014 г. / В. И. Чуркин // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. 2014. 29 авг. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1639783/ (дата обращения: 01.04.2026).

²³ Небензя разъяснил в ООН положения Будапештского меморандума // Рамблер : новости, URL: <https://news.rambler.ru/other/41714228-nebenzya-razyasnil-v-oon-polozheniya-budapeshtskogo-memoranduma/> (дата обращения: 01.04.2026).

Monitor, Kyiv Post, The Independent²⁴), так и российских информагентств (ТАСС²⁵, РИА Новости²⁶, РБК²⁷, Первый канал²⁸).

Методологической основой стали несколько общенаучных и специальных методов, каждый из которых был направлен на решение конкретной задачи.

Принцип историчности позволил создать хронологию процесса ядерного разоружения Украины, рассмотреть эволюцию переговорного процесса, начиная с распада СССР, заканчивая Будапештским меморандумом. Данный метод помог рассмотреть весь процесс не как разрозненные эпизоды, а как единый процесс.

Сравнительный метод был использован для сопоставления структуры меморандума с другими документами, что позволило выявить существенные различия в их правовой структуре.

Терминологический анализ позволил обеспечить точное толкование, опираясь на английский язык, что показало его политико-декларативный характер и отсутствие механизмов принуждения к исполнению.

Хронологические рамки исследования охватывают период с декабря 1991 года по 2014 год.

²⁴ Trump rebukes his own trade chief in excruciating televised Oval Office exchange, China's vice premier heard laughing as president directly contradicts official in front of TV cameras // The Independent : US politics. 2019. 24 Feb. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-robert-lightizer-china-trade-deal-chief-oval-office-tv-video-a8794216.html> (дата обращения: 01.04.2026).

²⁵ В МИД РФ заявили, что не обязаны по Будапештскому меморандуму игнорировать угрозы от Киева // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/18912903> (дата обращения: 23.06.2025).

²⁶ Верховная рада отменила закон о статусе русского языка // РИА Новости. 2014. 23 февраля. URL: <https://ria.ru/20140223/996527008.html> (дата обращения: 01.04.2026).

²⁷ Забелин С. Ратификация международного договора / С. Забелин // РБК : базовые материалы. 2026. 17 марта. URL: <https://www.rbc.ru/base/17/03/2026/69b4189a9a794749ecbdbe30> (дата обращения: 01.04.2026).

²⁸ Московский суд признал события 2014 года в Киеве государственным переворотом // Первый канал : новости. 2016. 27 дек. URL: https://www.1tv.ru/news/2016-12-27/316983-moskovskiy_sud_priznal_sobytiya_2014_goda_v_kieve_gosudarstvennym_perevorotom (дата обращения: 01.04.2026).

Нижняя хронологическая граница обусловлена распадом СССР и подписанным в дальнейшем договором - Соглашением между государствами-участниками СНГ по стратегическим силам (30 декабря 1991 г.), которое создало прецедент, где ядерное оружие находилось на одной территории, а контроль над ним осуществлялся другой страной. И именно с этого момента закладывается основа для дальнейших переговоров по теме ядерного разоружения Украины

Верхняя хронологическая граница (2014 г.) выделена на основании событий в Киеве, которые по официальной российской позиции характеризуются как вооружённый государственный переворот, инспирированный при поддержке западных стран-гарантов. Данная дата является точкой бифуркации в реализации гарантийных обязательств.

Структура исследования. Данная работа состоит из введения, двух глав, а также заключения и списка литературы.

В параграфе 1.1 «Украина и советское ядерное наследие» анализируется ситуацию, при которой Киев, унаследовав третий по величине ядерный арсенал в мире, оказался в центре внимания ведущих мировых держав. Рассматривается Минское соглашение 1991 г., зафиксировавшее физическое размещение стратегических сил на украинской территории сопровождалось сохранением оперативного контроля над ними со стороны России. Внимание уделяется эволюции позиций и мотивации ключевых участников переговорного процесса. Показывается, что изначальный декларативный безъядерный статус Украины, закреплённый в Декларации о государственном суверенитете 1990 г., быстро столкнулся с прагматичной политикой Киева. Украинское руководство попыталось использовать фактическое наличие ракетно-ядерного оружия как инструмент шантажа и торга. Верховная Рада и исполнительная власть увязывали ратификацию Лиссабонского протокола к договору СНВ-1 с получением масштабной финансовой помощи и жёстких международных гарантий безопасности. В

работе разбирается роль внешних акторов. А также достигнутое трехстороннее соглашение в январе 1994 года.

В параграфе 1.2 «Переговоры» исследуется достижение компромисса по вопросу ядерного разоружения Украины, кульминацией которого стали трехсторонние встречи лидеров Украины, России и США в январе 1994 года и последующее подписание Будапештского меморандума. Анализируется структура итоговой сделки: Киев обязался присоединиться к ДНЯО в статусе неядерного государства, передать стратегические носители на ликвидацию в РФ и придерживаться принципов режима контроля за ракетными технологиями. Взамен Украина получила гарантии безопасности, финансовую поддержку (в том числе по программе Нанна-Лугара) и компенсацию от России в виде топлива для атомных электростанций.

Подчеркивается роль международных институтов, в частности МАГАТЭ, в верификации и техническом обеспечении процесса вывоза и утилизации арсенала, завершено к июню 1996 года. Особое внимание уделяется правовому статусу обязательств, зафиксированных на саммите СБСЕ в декабре 1994 года.

В параграфе 1.3 «Будапештский меморандум и его последствия» проводится комплексный анализ результатов денуклеаризации для ключевых участников процесса - Украины, России и США. Для Украины подписание документа стало точкой бифуркации, обеспечившей выход из международной изоляции, легитимизацию в качестве ответственного актора и интеграцию в глобальные институты, такие как МАГАТЭ. Киев получил финансовую и энергетическую компенсацию, однако утрата стратегического форпоста и рост геополитической уязвимости усугубились тем, что предоставленные гарантии безопасности носили характер политических «уверений», а не юридически обязывающих обязательств, а объем финансовой помощи впоследствии оценивался как недостаточный.

Для Российской Федерации меморандум закрепил статус единственной страны-правопреемницы ядерного потенциала СССР и монополию на владение арсеналом на постсоветском пространстве, укрепив ее позиции в системе глобальной безопасности. Вместе с тем реализация программы Нанна-Лугара вызывала у Москвы беспокойство в связи с допуском американских специалистов на стратегические объекты, что воспринималось как угроза суверенитету. Соединенные Штаты рассматривают данный документ как триумф своей дипломатии, позволивший с минимальными экономическими затратами укрепить режим нераспространения ядерного оружия. Тем не менее, настаивая на отсутствии жестких механизмов принуждения, Вашингтон создал прецедент, продемонстрировавший приоритет национальных интересов сверхдержавы над декларируемыми обязательствами, что, наряду с изначальной ограниченностью меморандума, оказало долгосрочное дестабилизирующее влияние на международную безопасность.

В параграфе 2.1 «Правовой анализ» исследуется семантическое и нормативное разграничение понятий «гарантия» (guarantee) и «заверение» (assurance) в международно-правовой доктрине. На примере исторических прецедентов (в частности, Локарнских договоров) демонстрируется, что «гарантия» представляет собой строго юридически обязывающее обязательство, подкрепленное механизмами солидарной ответственности, конкретизацией объекта защиты и четкими процедурами верификации нарушений. В противоположность этому, «заверение» носит политико-декларативный характер без механизмов юридической принудительности.

Изначальная правовая уязвимость Будапештского меморандума была предопределена использованием в его англоязычном тексте термина «assurance». Дополнительными факторами, снижающими юридический вес документа, выступают отсутствие процедуры ратификации (ограничение лишь подписанием), неопределенность правовой природы и сам статус

«меморандума», который в устоявшейся дипломатической практике относится к необязывающим соглашениям о взаимопонимании. Сочетание специфической терминологии и процедурных особенностей лишило документ статуса полноценного международно-правового договора, что предопределило невозможность его строгой юридической квалификации и стало причиной непрекращающихся международных дискуссий.

В параграфе 2.2 «Трактовка сторон» проводится сравнительный анализ официальных позиций Российской Федерации, США, Великобритании и Украины относительно правовой природы и фактического исполнения Будапештского меморандума. Демонстрируется, что Россия квалифицирует документ как политическое, а не международно-правовое соглашение, не прошедшее процедуру ратификации. Российская сторона отрицает факт применения силы в отношении территориальной целостности Украины, ссылаясь на мирный характер событий в Крыму, а в контексте последующих событий утверждает, что обязательства меморандума не распространяются на ситуации, спровоцированные сменой государственного строя в Киеве и возникновением угроз безопасности.

Позиция США и Великобритании, заключающаяся в осуждении действий Москвы, базируется на признании меморандума исключительно политическим инструментом. Подчеркивается, что предоставленные Киеву «заверения» (assurances) не тождественны юридическим «гарантиям» (guarantees) и не накладывают на подписантов обязательств по прямому военному вмешательству или коллективной обороне.

Со стороны Украины документ трактуется как грубо нарушенное соглашение, фактическая несостоятельность которого привела к утрате территориальной целостности. В работе показана эволюция украинского подхода: от дипломатических апелляций к положениям меморандума в 2014 году до публичного признания ошибки безъядерного транзита и постановки

вопроса о необходимости создания собственных средств военного сдерживания.

В параграфе 2.3 «Изменения в системе международной безопасности» предлагается выйти за рамки западного нарратива «обязательство – нарушение» и рассмотреть утрату силы Будапештского меморандума как следствие фундаментальной трансформации субъектно-правовых условий. С позиций российской школы международных отношений и норм международного права, события февраля 2014 года в Киеве квалифицируются как вооруженный государственный переворот, инспирированный западными странами. Насильственное свержение легитимной власти привело к разрыву континуитета государственной власти, что в сочетании с принципом *rebus sic stantibus* и правом народов на самоопределение обосновывает прекращение действия гарантийных обязательств и последующее воссоединение Крыма с Россией. Кризис вокруг Украины стал не изолированным инцидентом, а прецедентом, обнажившим конъюнктурный характер западных гарантий и запустившим процесс эрозии глобальной архитектуры безопасности и режима нераспространения ядерного оружия. Подчеркивается, что продемонстрированная Западом готовность игнорировать обязательства в угоду геополитическим интересам нашла свое продолжение в последовательном выходе Соединенных Штатов из фундаментальных договоров в сфере контроля над вооружениями, включая Договор по ПРО, ДРСМД и Договор по открытому небу. Делается вывод о том, что Будапештский меморандум выступил катализатором системного кризиса доверия и переосмысления самих основ международных гарантий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ предпосылок для заключения соглашения показал, что процесс, в котором Украина отказалась от третьего по величине ядерного арсенала в мире, носил транзакционный характер. Первоначальная позиция Киева видоизменилась под давлением экономических и дипломатических факторов. Ключевую роль в этом сыграла программа Нанна-Лугара. Завершающим этапом данного процесса стали Трёхстороннее соглашение и сам Будапештский меморандум.

Анализ правовых и политических последствий показал то, что документ имел различное значение для каждой из сторон-участниц. Украина, благодаря отказу от ядерного оружия, смогла выйти из изоляции и начать своё участие в важных глобальных структурах, получить топливо для АЭС, но лишилась важного стратегического оружия.

Российская Федерация закрепила за собой статус единственной преемницы СССР в сфере ядерного арсенала, укрепила статус лидера на постсоветском пространстве. Тем не менее определённая напряжённость была добавлена в связи с доступом иностранных специалистов на стратегически важные ядерные объекты для осуществления контроля.

Для Соединённых Штатов Америки подписание Будапештского меморандума стал триумфом эффективной дипломатии, особенно при небольших издержках, которые потребовала программа Нанна-Лугара. Удалось избежать появления нового ядерного государства и усилить режим нераспространения ядерного оружия. Формулировка названия, которая была выбрана Вашингтоном, заложила основу для будущих разногласий.

Правовое сравнение терминов («assurance» и «guarantee») позволило понять правовую природу Будапештского меморандума. Сравнительный анализ меморандума и его сопоставление с другими международными актами, в частности с Локарнскими соглашениями 1925 г., выявили

существенные различия. В то время, когда последний показывает формальные обязательства, чёткий механизм ответственности и действий, то первый носит политико-декларативный характер. В нем не предусмотрена процедура ратификации, присутствуют неопределённость и неоднозначность в самом тексте, в выбранных терминах. Всё это свидетельствует о том, что он не попадает под классификацию международного договора с юридически обязывающими гарантиями.

Анализ трактовок документа различными сторонами показывает широкие рамки разногласий по данной теме. Российская позиция основывается на утверждениях, что меморандум не является международным договором, что данный документ был заключён непосредственно с легитимным руководством страны, а обязательства не могут действовать при насильственном, вооружённом свержении власти, которое было осуществлено с помощью западных стран. Соединённые Штаты акцентируют внимание на политическом характере документа, но одновременно с этим они обвиняют Россию в нарушении взятых обязательств. Киев заявляет об игнорировании и нарушении принципов уважения суверенитета и границ, что вызывает требования по поводу пересмотра безъядерного статуса.

Анализ влияния событий 2014 года позволил выйти за рамки узкой формулы «обязательство – нарушение» и рассмотреть меморандум как системный прецедент эрозии международно-правовых режимов. Согласно российской позиции, события на Украине в 2014 году привели к фундаментальному изменению условий заключения договора, что называется клаузулой *rebus sic stantibus*. Оказание поддержки перевороту западными странами расценивается как нарушение суверенитета, что девальвировало саму суть гарантийных обязательств.

Таким образом, обобщая результаты, можно констатировать, что Будапештский меморандум 1994 года представляет собой уникальный

политико-дипломатический феномен, сочетающий в себе успех в сфере ядерного нераспространения и терминологическую уязвимость в сфере гарантий безопасности, которые были также подорваны в связи с нарушением принципов западными странами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Процесс отказа Украины от третьего в мире ядерного арсенала носил транзакционный характер и был реализован под давлением экономических и дипломатических факторов при ключевой роли программы Нанна-Лугара, что завершилось подписанием Трёхстороннего заявления и Будапештского меморандума. Документ имел различные последствия для сторон: Украина вышла из международной изоляции и получила энергетическую поддержку, но лишилась стратегического форпоста; Россия закрепила статус единственной ядерной преемницы СССР, несмотря на напряженность из-за доступа иностранцев к объектам; США с минимальными издержками укрепили режим нераспространения, однако заложили терминологическую уязвимость соглашения.

Сравнительный правовой анализ терминов «assurance» и «guarantee» в сопоставлении с Локарнскими соглашениями 1925 года выявил, что Будапештский меморандум не является международным договором с юридически обязывающими гарантиями. Отсутствие процедуры ратификации, неопределенность и неоднозначность текста придают ему исключительно политико-декларативный характер.

Данная правовая природа предопределила фундаментальные расхождения в трактовке документа. Российская сторона отрицает его юридическую силу, апеллируя к факту насильственной смены власти в 2014 году при поддержке Запада, что делает обязательства недействительными. Соединенные Штаты акцентируют внимание на политическом характере меморандума, одновременно обвиняя Москву в нарушении взятых на себя обязательств. Киев рассматривает документ как грубо нарушенное

соглашение, обосновывая этим требования по пересмотру безъядерного статуса.

События 2014 года вывели проблему за рамки двусторонних отношений, превратив меморандум в системный прецедент эрозии международно-правовых режимов. Поддержка западными странами государственного переворота на Украине расценивается как нарушение суверенитета и континуитета государственной власти, что в совокупности с принципом *rebus sic stantibus* девальвировало суть гарантийных обязательств. Будапештский меморандум представляет собой уникальный политико-дипломатический феномен, сочетающий успех в сфере нераспространения с изначальной терминологической уязвимостью и последующим подрывом гарантий безопасности вследствие нарушения западными странами базовых принципов международного права.